

ВЫСШАЯ ШКОЛА КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РФ (СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ)

Е. В. Песегова

*Управление
лицензирования
и аккредитации
в образовании
Федеральной службы
по надзору в сфере
образования и науки*

*e-mail:
e_pesegova@mail.ru*

Статья посвящена рассмотрению методологического потенциала социологического измерения и диверсификации безопасности в сфере высшей школы, обусловленных кардинальной трансформацией целевых программ развития национальной безопасности РФ. Автор ориентирован на выявление субъект-объектных связей в процессе институционализации высшей школы.

Ключевые слова: национальная безопасность; высшая школа; субъект-объектные связи; модернизационный плеоназм.

Вопрос о безопасном будущем России сегодня - это не просто предмет научного интереса, это проблема гражданского общества, более того, в России, как и мире в целом, формируется особый тип общества, в котором риски и угрозы становятся социогенными факторами существования людей. Глобальные принципиально значимые изменения условий существования и функционирования современного человека, реально связанные с усложнением его просоциальной деятельности, типов и форм общения, увеличением физических возможностей и интеллектуальной напряженности, значительно расширяют пространство социальной активности человека. Именно поэтому необходимо особое осмысление феномена безопасности в собственно личностном проявлении, при этом важно отметить особость методологического обеспечения разработки проблем безопасности социальных объектов, таких как личность, социальные группы, общество и его социально-организационные формы, которые выступают в качестве общего универсального объекта безопасности.

Феномен безопасности имеет выраженную субъективную, в том числе когнитивную сторону. Всякий социальный субъект осуществляет оценку угроз своей безопасности в свете господствующей (принятой) системы ценностей, а тот или иной набор ценностей является одним из важнейших функциональных элементов культуры, в том числе и в способности передавать ценности господствующей культуры. Институциональная связь образования с феноменом безопасности очевидна и может быть проявлена через систему социального контроля, где образование выступает средством социального контроля и «устройством», фильтрующим социальные риски.

Современные требования к построению оснований безопасного развития общества порождают ряд специфических социальных проблем. Социальная практика современной России достаточно четко показывает, что на смену одним социальным проблемам постоянно приходят другие. Такая цепь социальных противоречий и проблем требует особого внимания к научной рефлексии институциональных основ социологического изучения феномена безопасности с целью концептуализации различных интеллектуальных идеологий безопасности. Это дает основание утверждать, что безопасность - это состояние устойчивого функционирования и воспроизводства социального объекта/субъекта, поддерживаемое с помощью особой институциональной среды.

Специфика социологического подхода к национальной безопасности выражается в более позднем конституировании; длительном существовании в рамках командно-административной теории государственной безопасности; включении во взаимодействие с западной традицией социологии безопасности параллельно процессу самоопределения отрасли. Именно этим объясняется наличие в российской социологии безопасности серьезных методологических проблем, начиная с определения объекта отраслевой социологии и заканчивая разработкой комплексных теоретических схем исследования рисков, потребность в которых актуализирована процессом реформирования российского общества.

Безопасность является важнейшей потребностью человека. Она отражает политический, экономический, военный, демографический, экологический, духовный, правовой и иные аспекты; учитывает международные и внутригосударственные (национальные) особенности цивилизационного развития; имеет системный (полиструктурный) или фрагментарный (моноструктурный) характер и т.д. Это научная категория, которая своей сутью и содержанием раскрывает условия жизнеобеспечения социоприродных систем. Таким образом, мы можем утверждать, что социологическая концептуализация различных интеллектуальных идеологий безопасности, позволяет дать универсальное определение феномену «безопасности» и обеспечивает переход к специализированному изучению а) состояния защищенности личности, социальных групп, социальных общностей и сообществ; б) безопасности как части социальной экологии.

Вопрос о будущем России сегодня - это не просто предмет научного интереса, это личная проблема каждого гражданина государства. До сих пор в литературе нет единого мнения об особенностях цивилизационного развития России. Старый спор между западниками и славянофилами актуален и по сей день, хотя в нем появились новые оттенки, отражающие социальные реалии и XX, и XXI веков¹. Авторская презумпция заключается в том, что духовная осененность бытия сформировала национальное миропонимание уже на ранней стадии его государственного проявления².

С точки зрения семантики, корреляция «безопасности» и «мира», просматривается весьма отчетливо. В современном русском языке существуют омонимы: мир – совокупность всех форм материи в земном и космическом пространстве, вселенная; и мир – согласные отношения, спокойствие. Отсутствие вражды, войны, ссоры³. Отметим, что кроме значений, разделение основывается еще и на грамматике. Первое из них имеет множественное число – миры, а второе – только единственное. На старинной русской орфографии в первом случае, писалось – мирь, а во втором – мирь⁴. Ю. Степанов отмечает, что совмещение этих значений в древнерусской культуре встречается довольно часто⁵. Полагаем, что такое закрепление социальной практики свидетельствует о константном характере понятия «безопасность», как мир (пространство), где господствует согласие, порядок, закон.

Таким образом, безопасность имеет скорее символическое, чем конкретное предметное выражение, т. е. в большей степени отождествляется со структурами и институтами. Квантификация безопасности проблематична, так как «привязана» к качественной оценке и, пока ей не подвергнута, «будто бы» не существует (хотя в действительности может существовать как не осознаваемое состояние). Безопасность трудно осязаема, так как пребывает в мире ценностей. Целенаправленное интегрирование элементов безопасности в систему современных и перспективных социальных отношений, определяет динамику развития социума, так как безопасность представляет собой корреляционную систему, в которой любое социальное явление, в общем, и высшая школа в частности, адаптируется к факторам среды посредством деятельности социальных акторов.

Таким образом, диверсификация феномена безопасности демонстрирует прямую корреляцию с интересами социальных групп в сфере образования, настаивающих на соответствии «стандартам» образования и социальных групп, требующих «доступа» к интеллектуальным благам. Можно утверждать, что важной содержательной характеристикой диверсификации феномена безопасности в сфере образования является социальное требование необходимого уровня образования, обусловленного латентным конфликтом между различными статусными группами.

Следуя аксиоматике структурного конструктивизма, возможно описать высшую школу как автономную область социальных отношений, структурно определенных и способных сохранять устойчивость и поддерживать свою специфичность по сравнению с другими структурными образованиями. Последовательное развертывание методологической схемы социоанализа приведет к выделению таких направлений исследования, как изучение взаимодействия высшей школы с социальной макросистемой (прежде всего с

¹ Блехер Л., Любарский Г. Главный русский спор: от западников и славянофилов до глобализма и Нового средневековья. – М., 2003.

² Златоуструй. Древняя Русь X – XIII веков. – М., 1990. – С. 160-161.

³ Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1968. – С. 344-345.

⁴ Степанов Ю. Константы: словарь русской культуры. – М., 2001. – С. 86.

⁵ Там же. – С. 87.

политикой и системой национальной безопасности); выявление структуры отношений между позициями внутри социального пространства высшей школы; описание повседневных практик.

Характер политики в сфере национальной безопасности и высшей школы в современном российском обществе имеет однонаправленный вектор. Символическое насилие реформаторов проявляет себя в определении содержания, формы и способов трансформации системы образования, что проявляется через глубинное расхождение собственных высшей школе российских ценностно-нормативных традиций деятельности ее агентов и предлагаемой программы реформирования системы образования.

Общепринято считать, что национальная безопасность России – это безопасность ее граждан. Авторские пилотажные эмпирические исследования (случайная бесповторная выборка) показывают, что очень мал процент респондентов (3%), ощущающих полную безопасность своей жизни и жизни своих близких. Располагают ли государство и общество методами выявления угроз и потенциалом их предотвращения и ликвидации? Этот вопрос, ставший почти риторическим, проявляет не только интеллектуальную рефлексию, но и широкую проблематику повседневной жизни. Он отражает многоаспектную социальную обеспокоенность качеством жизни, где не последнюю роль играет качество высшего образования.

Высшая школа определяется фиксированным набором изучаемых предметов, эта данность позволяет определить образование, как формальный процесс. Однако высшая школа действует как агент социализации и в несколько ином отношении. Наряду с формальным набором учебных дисциплин существует то, что можно зафиксировать как скрытую программу, определяющую специфические условия обучения.

Во всех государствах современного мира, включая развивающиеся страны, образование стало одной из основных сфер вложения капиталов. Это явление объясняется рациональной необходимостью со стороны социума поддерживать социальную функцию образования во всех его ипостасях. Высшая школа выступает агентом социализации, в первую очередь, интегрируя человека в систему деятельности и систему организованностей. Однако имеются существенные различия в организации систем образования и в пропорции населения, получающего тот или иной уровень и тип образования.

Исторический опыт свидетельствует, что в русской культуре образование (высшая школа как сегмент этого феномена) сложилось в самостоятельную социальную ценность. Российская специфика институционализации высшей школы заключается в том, что в обществе традиционно господствует убеждение, что Россия – это часть Европы, и если таковой не является в настоящий момент, то по прошествии некоторого времени обязательно ею станет.

Взаимоотношения государственной власти и образования в России всегда были противоречивыми, полными драматизма. На протяжении всей истории России образование кристаллизуется в особый тип культурного достояния русской цивилизации. Развитие системы образования в России – это процесс зарождения, становления, расцвета и упадка различных типов учебных заведений, это череда сменяющих друг друга прогресса и регресса, это неоднолинейный процесс, и история не только достижений, но и утрат. В многонациональной географически обширной стране институционализация образования всегда проблематична. Можно утверждать, что специфичность динамики исторического развития высшей школы в России демонстрирует неустойчивый модернизационный плеоназм образовательных идеологий в противоположность идеям классической системы образования.

Результаты развития образования проявляются в специализированных областях культуры, где аккумулируются, накапливаются новые духовные и культурные ценности, которые, в свою очередь, определяют новый уровень культуры общества, подготавливая тем самым предпосылки для очередных реформ в сфере просвещения. В современных условиях существует реальная опасность «уничтожить» опыт существования высшей школы. Пагубность представляет собой то, что инновации со всей очевидностью приобретают деструктивные формы культуры-захватчика. Для современных высших учебных заведений как субъектов инновационных процессов в сфере образования характерен низкий уровень социального капитала. На его формирование и развитие влияют, с одной стороны, особенности профессиональных установок руководителей ВУЗов, с другой – ресурсные возможности, предоставляемые высшим учебным заведениям российским обществом.

Показателем изменения социальной культуры современного российского высшего образования является трансформация социальных ролей, как ученого-преподавателя ВУЗа, так и студента с модальным набором ценностей. В структуре мотивов профессиональной деятельности преподавателей доминируют прагматические установки, заметным образом изменяющие характер отношений в системе «мэтр-ученик». В структуре мотивов студенчества доминирует представление о высшем образовании, как о символе социального статуса, при уверенности, что высшее образование, все-таки не является гарантией восходящей социальной мобильности.

Конструктивные формы реформирования высшей школы проявляются, в первую очередь, через воздействие самосознания общества, которое активно заимствует научные формы рефлексии реформационных процессов, в результате чего понятия о законах существования высшей школы, вырабатываемые общественными науками, становятся соопределяющими факторами самого процесса реформирования. Более того, система высшего образования, как субъект реформирования, переосмысляет стереотипные представления об инновациях и становится мыслящим и рефлексивным общественным образованием.

Траектории развития российской высшей школы зависят от эффективности модернизации системы отечественного образования. В этой связи, приходится констатировать, что управленческие инновационные попытки явно демонстрируют не только позитивную результативность реформ, но и симуляции, в минимальной степени обращенные к решению актуальных для системы образования проблем. Общим местом стали утверждения, что современная Россия нуждается в повышении эффективности и востребованности качественного образования, а так же в приведении его в соответствие с изменившимися социально-экономическими и геополитическими условиями. Немаловажным аспектом этого проблемного поля видится интеллектуально утверждаемая характеристика исторического развития России – маргинальность проблемы качества и эффективности.

Научная социологическая рефлексия возникает, таким образом, из стремления связать нитями зависимостей причин и следствий реализацию культурного архетипа в сфере образования. Очевиден «набор» стратегических целей в системе высшей школы, достижение которых продекларировано, но *de facto* не достигнуто. Данные обстоятельства вынуждают исследователя обратиться к анализу факторов, механизмов, стратегий обеспечения национальной безопасности через призму национальных интересов и рисков, выявить приоритеты реформирования российской высшей школы на современном этапе.

Список литературы

1. Блехер Л., Любарский Г. Главный русский спор: от западников и славянофилов до глобализма и Нового средневековья. – М., 2003.
2. Златоструй. Древняя Русь X – XIII веков. – М., 1990.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1968.
4. Степанов Ю. Константы: словарь русской культуры. – М., 2001.

HIGH SCHOOL AS A STRATEGIC COMPONENT OF THE NATIONAL SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION (SOCIOLOGICAL INTERPRETATION)

E. V. Pesegova

Education licensing and accreditation department of federal service of supervision in education and science

*e-mail:
c_pesegova@mail.ru*

Article deals with the methodological capacity of the sociological dimension of diversification and security in the field of higher education, due to a fundamental transformation of targeted development programs, the national security of Russia. The author focuses on the identification of subject-object relations in the process of institutionalization of higher education.

Key words: national security; Graduate School, subject-object relation; modernization pleonasm.

